

КАЗНЬ ЗА ПЕСНЮ

Десятки тысяч женщин, изнасилованных нацистами, остались неотомщенными

Бундесархив ФРГ

О советских жертвах сексуальных преступлений нацистов практически не говорят. Даже на послевоенных процессах над оккупантами случаи изнасилования хоть и упоминались, но лишь в общем перечислении злодеяний. Да и в Нюрнберге они не квалифицировались как военные преступления. В итоге пострадавшие от насилия женщины не были признаны жертвами. А после войны эта тема и вовсе была практически вычеркнута из официальной памяти.

Зато в 1990-х вдруг начали говорить о том, что немцы были образцовыми джентльменами, а вот советские солдаты якобы массово насиловали немок. Так начала переписываться история...

Недавно в Бундесархиве ФРГ российскими исследователями были обнаружены документы, которые красноречиво свидетельствуют об обратном – о том, как немцы относились к советским женщинам. Рассказывает кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПБ И РАН Дмитрий АСТАШКИН.

Она видела, как исчезали женщины

– Историки Александр Шмидке и Дмитрий Евменов не так давно выявили в Бундесархиве и сделали перевод ряда документов, в том числе отчета нацистов о судьбе Елизаветы Маховой.

История ужасающая. 19-летнюю девушку, которая писала стихи и перекладывала их на музыку, пытали и казнили за... песню об опозоренных нацистами советских женщинах. О тех, кого насиловали, отправляли в бордели, и даже о соблазненных немцами – женщины поверили им, забеременели и были брошены и унижены. Песня называлась «О солдатских любовницах». Девушка сочинила ее в оккупированной Гатчине летом 1943-го, где о таком поведении нацистов, как, впрочем, и на

В июне 1943-го гитлеровцы решили устроить в оккупированной Гатчине праздник. Выступать перед солдатами вермахта пришлось советским гражданам

других занятых гитлеровцами территориях, вслух говорить было опасно.

Девушка не знала имен опозоренных женщин. Но видела, что происходит вокруг, в оккупированной Ленинградской области. Она видела, как исчезали женщины... И сложила их судьбы в одну песню.

«Подвергнута особому обращению»

– В июле 1943-го за Лизой пришли...

Исследователям удалось найти отчет полиции безопасности и СД. Приведу этот страшный документ.

«IV отделу айнзацкоманды 1 удалось выявить автора германофобской песни под названием «Песня о солдатских любовницах» и задержать лиц из круга распространителей этой песни. В песне речь идет о сексуальных отношениях немецких солдат и русских женщин; в подчеркнуто германофобском духе описывается судьба русской девушки, соблазненной немцем и ждущей от него ребенка. Песня призывает отомстить за всех обесчещенных русских женщин.

Было установлено, что текст песни написала МАХОВА, Елизавета <...>

В ходе дальнейшего расследования были установлены и за-

держаны лица, распространявшие песню, а именно:

ПАВЛОВА, Наталья, род. 15.1.1924, Лужки, проживающая в Гатчине,

БАЛАДИНСКАЯ, Елена, род. 14.11.1920, Пушкин, проживающая в Гатчине,

БАЛАБАНОВА, Татьяна, род. 30.11.1918, Иваново, проживающая в Молодосковицах,

КУЗЬМИНА, Мария, род. 20.7.1924, Яблоницы, проживающая в Молодосковицах.

Установлено, что автор песни – 19-летняя фанатичная комсомолка, которая еще школьницей начала сочинять стихи. При обыске ее жилья была найдена тетрадь с многочисленными сочиненными ею стихами весьма германофобского характера. Все задержанные по этому делу лица имеют крепкие коммунистические убеждения, хотя следствию не удалось установить доподлинно, все ли они являются членами коммунистических организаций.

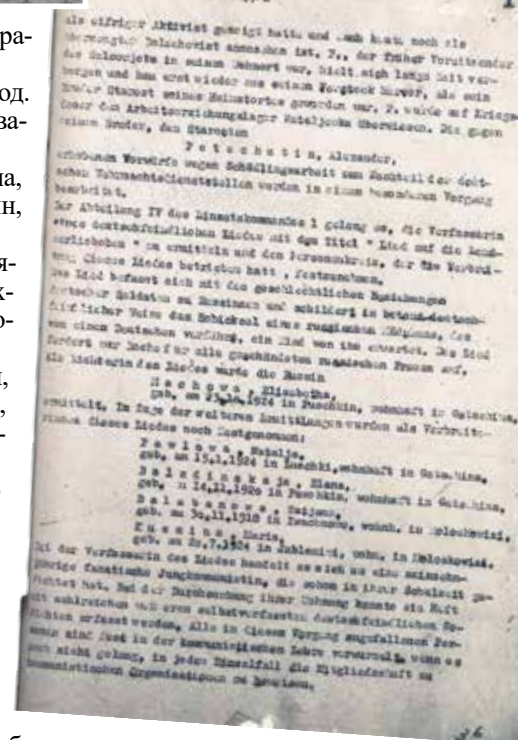
БАЛАДИНСКАЯ замужем за советским лейтенантом артиллерии. БАЛАБАНОВА, хотя и записалась на первом допросе, призналась в том, что является членом коммунистического союза школьников «Пионеры» и коммунистического союза молодежи «Комсомол», когда ей показали оригинальную учетную карточку из картотеки г. Павловска.

МАХОВА была подвергнута особому обращению, остальные 4 девушки до окончания войны направлены в исправительно-трудовой лагерь Натальевка».

Это была последняя песня Маховой. «Особое обращение» – *Sonderbehandlung* – на нацистском жаргоне означало казнь. Она была единственным ребенком у матери.

Песню не задушишь?

– Казнь Маховой не заткнула людские голоса. Вскоре в Гатчине появилась новая песня

– иная по содержанию, но близкая по духу Лизиней. На этот раз найти автора не удалось, арестовали только певцов. Обратимся к отчету полиции безопасности и СД.

«В качестве распространителей этой песни были задержаны:

УЗКИЙ, Людмила, род. 27.6.1925, Гатчина, проживающая в Гатчине,

ЗВЕРЕВА, Женя, род. 24.12.1917, Александровская, проживающая в Гатчине <...>

УЗКИЙ и ЗВЕРЕВА направляются на долгий срок в исправительно-трудовой лагерь Натальевка».

Вот так: за песни – допросы, избиения, лагерь... Но все же песни об опозоренных несчастных женщинах продолжали сочинять и продолжали петь.

«Русские женщины не подходят для борделей»

– В условиях войны на уничтожение, развязанной Гитлером, женское тело стало трофеем. «Фашистские изверги насилюют и стоняют в публичные солдатские дома наших матерей, сестер и жен», – в сентябре 1941-го писали советские газеты. В декабре 1941-го это подтверждала и газета «Правда»: «Фашистские погромы сопровождаются всюду массовым изнасилованием». Для женщин в оккупированных гитлеровцами местностях ситуация и впрямь была весьма печальной.

Но гордость и честь для многих из них стоили дороже жизни. Так, немецкий офицер разведотдела 18-й армии Дмитрий Каров, русский эмигрант, служивший у немцев, позже вспоминал: несмотря на огромное количество беженек, многие из которых были на грани голодной смерти, немцам не удалось найти достаточно женщин для военных борделей в Нарве и Кингисепе. «Невозможно было найти хотя бы одну русскую женщину, которая согласилась бы работать, хотя обещанные им материальные условия были очень хорошими», – писал он.

Кстати, и немецкий отчет от августа 1942-го констатировал то же самое сопротивление: «Русские женщины, похоже, не подходят для борделей... по психологическим причинам. Такие настроения хорошо характеризуются высказываниями

Красногвардейск (Гатчина), ул. Советская. 1943

Во время оккупации жители старались как можно меньше выходить на улицы

русских девушек о том, что они скорее наложат на себя руки, чем станут работать в публичном доме».

Из донесений 2-й партизанской бригады: «Отправили в Германию в дом терпимости Федорову Елизавету, 17 лет. Преднею был выбор: или расстрел, или дом терпимости. Она заявила: «Стреляйте, не поеду». Ее впихнули в машину и увезли».

За кусок хлеба

– Но не все могли быть стойкими. Кого-то просто стогнали в

бордели. А некоторые, не имея другой возможности выжить и спасти своих детей, сами соглашались жить с немцами. Вот еще выдержка из донесений 2-й партизанской бригады: «Многие женщины, ограбленные немцами и имеющие детей, вынуждены сожительствовать с немецкими солдатами. Так, например, г-ка Шура, жительница гор. Дно, 25 лет, имеет двоих детей, муж в РККА, сожительствует с солдатом-каптенармусом из-за хлеба. Если русская женщина, работающая у немцев в лазарете или санчасти, не соглашается сожительствовать с немецкими солдатами или офицерами, ее выгоняют из этого учреждения. Такой факт был с гр-кой Валентиной».

А вот как обстояли дела с борделями. Например, в городе Дно (Псковская обл.) немецкие власти открыли публичный дом, где работали 17 русских женщин в возрасте 20–35 лет. Рядом – ресторан для офицеров. Женщин, заболевших венерическими болезнями, по свидетельствам партизан, расстреливали.

Оборотной стороной для женщин, вынужденных выживать таким способом, было презрение сограждан.

Немецкий солдат в магазине. Красногвардейск (Гатчина), 1942

Видно, что местная жительница совсем не рада его вниманию

Несмотря на то, что немецкие власти формально обеспечивали женщин в публичных домах пайком и проводили медицинские осмотры, по словам уборщицы из итальянского казино в Сталино (ныне Донецк), «девушки даже стеснялись выйти на базар потому, что люди знали, где они работают». Свои считали их предательницами. А немецкие патрули открыто смеялись над ними.

Но институционализированная проституция была редким явлением. Гораздо более рас-

с немцем. В течение 3-х месяцев немцы не разрешали похоронить труп Быковой и никого не подпускали к ее трупу. После Быковой осталось 4 детей – 13, 11, 9 и 7 лет».

Как сообщала советская разведка в начале 1942-го, в некоторых деревнях Старорусского района (Ленинградская обл.) было «широко распространено добровольное сожительство» между крестьянками и немецкими солдатами.

Для многих эти женщины были не жертвами, а теми, кто продан врагу. Если мужчины доказывали преданность Родине подвигами, то от женщин требовалось целомудрие даже в условиях оккупации. Изнасилованные оказывались опозоренными. Те, кто пошел в бордели за кусок хлеба, – изгоями навсегда...

Замученная в гитлеровских застенках Лиза Махова была милосерднее: она знала, что между теми, кто судил, и теми, кто выживал, – пропасть.

Эти женщины так и не были признаны жертвами, а их насильников не заклеили военными преступниками.

Лишь в 1949-м Четвертая Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны включила статью 27, защищающую женщин от изнасилования и принуждения к проституции. СССР ратифицировал ее в 1954-м.

Но все это не вернуло голоса тем, в чью защиту пыталась говорить Елизавета Махова. Их показания до сих пор пылятся в архивах.

■ **Записала Елена Сковцова**

ЦИФРЫ

В Государственном архиве Российской Федерации сохранилась записка для Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР.

Неизвестный автор калькулировал компенсацию за изнасилования: **25 тысяч девушек** – по 5 тысяч рублей золотом, **40 тысяч замужних женщин и вдов** – по 3 тысячи. Итого с Германии предлагалось взять **245 млн руб. золотом**.

Советское руководство сочло взыскание этой огромной суммы «неуместным»: честь советской женщины не измеряется деньгами.

Советские солдаты – освободители

пространенными были неформальные отношения. Женщины понимали, что близость с немецким солдатом могла обеспечить материальную и физическую безопасность для себя и семьи. К тому же за отказ могли и расстрелять, вот факт из Бюллетеня № 2 о зверствах и злодеяниях немцев в Демянском районе Ленинградской области (1942 год): «В дер. Кузнецово Демянского района немцы зверски убили Быкову Анну Васильевну, 38 лет, за то, что она наотрез отказалась жить

Освобожденная от немцев Гатчина. Ингербургские ворота и проспект 25 Октября. Январь, 1944

Снимок из Бундесархива. Июль 1941-го. Оккупанты, как видите, любили сниматься

